

Милаш Кина

Цу гезунт, цу лебен, цу ланге уор.
(Так говорили евреи...)

6+

Милаш Кина

Цу гезунт, цу лебен, цу ланге уор. (Так говорили евреи...)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43436967

SelfPub; 2020

Аннотация

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – говорили евреи, когда на свет появлялся ребенок. Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – поздравляли они молодоженов. Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – желали на новоселье и день рожденья. Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – на здоровье, на жизнь, на долгие годы. Так говорила моя еврейская родня, живущая в местечковом городе Бобруйск, что в трех часах езды от Минска. Цегезунт, целэбен, цуланги ерн пожелали они на свадьбе моим родителям. Их пожелание сбылось. Родители прожили долгую, счастливую жизнь. Но это могло не случиться, если бы...

Милаш Кина

Цу гезунт, цу лебен, цу ланге уор. (Так говорили евреи...)

Логлайн:

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – говорили евреи, когда на свет появлялся ребенок. Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – поздравляли они молодоженов.

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – желали на новоселье и день рожденья.

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн – на здоровье, на жизнь, на долгие годы.

Так говорила моя еврейская родня, живущая в местечковом городе Бобруйск, что в трех часах езды от Минска.

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн пожелали они на свадьбе моим родителям. Их пожелание сбылось. Родители прожили долгую, счастливую жизнь. Но это могло не случиться, если бы...

Что могло помешать русскому офицеру и еврейской девушке быть вместе?

Что могло помешать русской девушке из Ленинграда и

еврейскому юноше из Белорусского городка Бобруйск быть вместе?

Что?.. Или кто?

Теги:

У каждой семьи есть свои легенды. Их повторяют из поколения в поколение, так что, порой трудно отличить правду, от вымысла. Эта повесть о легендах и былях моей семьи.

Цегезунт, целэбен, цуланги ерн.

(на здоровье, на жизнь, на долгие годы)

ГЛАВА 1. СЕСТРЫ СУХИЕ.

Что бы люди не говорили, а почта в СССР работала хорошо. Бывало, конечно, что письма задерживались. Но случилось это редко, а писали люди часто. Сейчас, когда мы на ходу печатаем на своих айфонах: «Увидимся вечером?» и получаем в ответ безликое: «Ок», трудно даже представить, что совсем недавно люди писали письма на двух, трех, пяти страницах. Купив на почте десятка два открыток, (выбрав рисунок поинтереснее) поздравляли родных и друзей с Новым годом, с днем рождения, с 8 марта, и, обязательно, с 9 мая. Помню, как мама, покончив с домашними делами, садилась вечером на кухне и, вырвав из тетрадки двойной листок в клетку, писала, старательно выводя каждую букву, чтобы адресату удобно было читать: «Здравствуйте мои дорогие те-ти: Фая, Маня, Ревека и Циля. Письмо Ваше от 5 декабря я получила...»

В сорок девятому году, когда начинается эта история, все

четыре вышеперечисленные тетушки проживали в Белоруссии, в небольшом местечковом городке Бобруйск, что недалеко от Минска. Всего сестер Сухих было шесть, и ни одного брата. В тридцать третьем от воспаления легких умерла самая старшая – моя бабушка – Геня. Следующая за ней по старшинству, Лиза, еще до войны перебралась в Ленинград, и к сестрам приезжала только летом, в отпуск.

Все сестры родились в Бобруйске, покидали его только во время войны, когда уезжали в эвакуацию. Когда в пятидесятом маме пришло время рожать, она приехала в Бобруйск, к тетушкам. Там на свет появилась моя старшая сестра Женя, а спустя три года – я.

В городке нас с сестрой называли «мешанки» – не путать с «мещанки». Мешанки – дети, в которых «смешалась» кровь разных народов. В Бобруйске, где, с незапамятных времен, жили бок о бок евреи, русские, белорусы, украинцы, поляки, немцы это было сплошь и рядом. В нас с сестрой «смешалась» русская и еврейская кровь.

О существовании моего будущего русского папы Анатолия сестры Сухие, узнали за три месяца до того, как летом 1949 года он приехал к ним в Бобруйск знакомиться.

В конце мая на имя Фаи пришло письмо из Ленинграда (почта в СССР работала хорошо). Лиза писала сестре, что их любимая племянница Симочка (в будущем моя мама), встречается с русским майором медицинской службы Анатолием. Кроме того, что майор – русский, у него, по собран-

ным Лизой данным, репутация... Тетя достала словарь Ушакова в четырех томах и нашла слово, максимально соответствующее, как ей казалось, репутации моего будущего папы. Она написала:

– «...Репутация ловеласа, – подумала и добавила, – Большой ловелас».

Дальше Лиза сообщала:

– «Анатолий является обладателем отдельной комнаты в коммунальной квартире, в центре Ленинграда. Там он регулярно устраивает...»

Лиза снова открыла словарь Ушакова и, найдя нужное слово, написала:

– Оргии.

В свое время Лизавета, еще живя в Бобруйске, окончила библиотечный техникум и очень этим гордилась. Она любила употреблять иностранные слова – которые делали речь более значительной и весомой.

Лиза прочитала предложение вслух, и оно ей понравилось. Она продолжила.

О ловеласе и оргиях ей доподлинно известно, т.к. Анатолий является курсантом высших командных курсов Военно-медицинской академии, где Лиза и Симочка работают медсестрами. При этом тетюшка не преминула напомнить, что она, Лиза, работает главной сестрой-хозяйкой, а Симочка простой медсестрой. Тетя писала: она не хочет говорить про племянницу ничего плохого. Сима хорошая девочка,

воспитанная и дисциплинированная. Она восстановилась в Университете сразу после того, как он вернулся в Ленинград из Саратовской эвакуации. Правда, Симочке при шлось перевестись на заочное отделение, чтобы и учиться, и работать – Лиза, конечно, помогает племяннице, но полностью содержать ее не может. Серафима окончила пятый курс, сдала государственные экзамены и ей осталось только защитить диплом. Так вот, тетя очень волнуется за этот самый диплом, потому что ухаживания русского майора явно отвлекают Симочку от стоящей перед ней цели: стать дипломированным специалистом, что даст ей возможность учить детей русскому языку и литературе в школе, а, может быть, даже, получить работу в библиотеке. В конце письма Лиза сообщала, что неоднократно пыталась разговаривать с племянницей по этому поводу, но та ничего и слышать не хочет, ослепленная ловеласом Анатолием. Тетя просит помощи у сестер, и особенно у Фаи, которая после смерти их старшей сестры Гени заменила Симочке и ее младшему братику Додику маму. Конечно, она, Лиза, тоже кое-что сделала для племянницы, и та должна быть ей благодарна. Но речь сейчас не об этом. Вчера русский майор сделал Симочке предложение. Девочку надо спасать!

Тетя Лиза имела право на это письмо. Последние девять лет именно она отвечала перед сестрами и перед страной за свою племянницу. Сама тетя приехала из Бобруйска в Ленинград в тридцать третьем. Она говорила, что ей стало душ-

но в местечковом Бобруйске и захотелось свежего воздуха большого города. Лучше всего, по ее мнению, подходил для этого город на Неве, обдуваемый Балтийскими ветрами. Так говорила Лиза. Но сестры знали, что дело было вовсе не в Неве, а «свежий воздух» имел конкретное имя. Причем мужское. Его звали Зяма.

Зиновий Коцуля был командирован в Ленинград из Бобруйска, чтобы готовить кадры для тяжелой промышленности страны: его назначили директором института «Красных директоров» (простите за тавтологию). Через полгода, поняв, что дела у него идут, Коцуля написал Лизавете, с которой еще в Бобруйске женихался, что ждет ее к себе. Тетя стала распродавать вещи. Так как, Лиза была далеко не девочкой, недавно ей исполнилось двадцать четыре года, то она таки успела обзавестись немалым хозяйством, и на сборы ей понадобилось время.

Наконец, рано утром поезд, в котором Лизавета добиралась из Бобруйска (с пересадкой в Жлобине) в Ленинград, прибыл на Витебский вокзал. Тетушка, обремененная двумя фибровыми чемоданами, в которых было самое необходимое на первое время, и которые с трудом застегнулись только после того, как Маня, самая тяжелая из сестер, села вначале на один, потом на другой, вышла на перрон. Лиза заблаговременно послала Коцуле телеграмму о времени своего прибытия, в которой сообщала номер поезда и вагона, в котором ехала. Естественно, она ждала, что Коцуля ее встретит, но

он не встретил. Тетя сильно удивилась и даже растерялась. Простояв на быстро опустевшем перроне пятнадцать минут, поняв, что Коцули ей не дожидаться, Лиза достала письмо, где на конверте был его домашний адрес и решительно подозвала носильщика.

Через пол часа Лизавета, потратившись на такси, вышла на Каменноостровском проспекте. Поднявшись с тяжелыми чемоданами на третий этаж, позвонила в дверь. В квартире с просторной прихожей и высокими потолками (Лиза успела заметить только это, потому что дальше прихожей ее не пустили), проживал вовсе не Коцуля, а молодой военный с семьей. Про Зиновия Коцулю он ничего не слышал. Лизавета со своими двумя чемоданами вышла на проспект и стала искать справочное бюро. Через несколько минут она получила адрес института «Красных директоров». Снова потратившись на такси, поехала туда, надеясь застать своего любимого на работе. Секретарь, мужчина средних лет, взглянув на тетушкины чемоданы, строго спросил, по какому вопросу ей нужен директор. Лиза, мгновенно вспыхнув, ответила, что по личному. Отсидев в приемной больше часа, она была допущена в кабинет.

За столом, на месте директора, сидел незнакомый мужчина. Тетя спросила:

– Где Зяма?.. – Прокашлялась и уточнила, – Зиновий Коцуля.

Вместо ответа, сидящий за столом мужчина, налил себе

воды из графина и залпом выпил весь стакан, как будто его давно и сильно мучила жажда. После этого он поинтересовался, кем женщина приходится Коцуле, не родственница ли она ему, случайно? Узнав, что Лизавета Коцуле «просто знакомая», директор посоветовал ей забыть эту фамилию, забыть, как можно скорее. Тетя, предположив, как ей тогда казалось, самое страшное: подлец Зяма изменил ей с другой, разрыдалась. Она ошибалась. Оказалось, что пока Лиза собиралась в Ленинград, пока добиралась до северного города, вознесшегося, как писал поэт, по воле великого Петра, на берегах Невы, Зяму успели арестовать. И не только арестовать, но и осудить на пятнадцать лет за шпионаж в пользу Германии, куда его посылали в тридцатом году, учиться у Форда и Крупа. Обо всем этом Лизавета узнала позже, а сейчас она сидела на кожаном диване и рыдала, чувствуя себя обманутой коварным изменщиком.

Новый директор снова налил воды из графина, но не выпил сам, а предложил тетушке. Пока Лизавета пила, спросил, откуда она такая чувствительная приехала. Услышав, что они почти земляки (сам он был из Минска) и, что женщина распродала в Бобруйске все свое имущество, имея твердое намерение начать новую жизнь в Ленинграде, директор пожалел ее. Спросил, кем она работала и, что умеет делать. Узнав, что тетя работала в библиотеке, умеет печатать и вести документацию, он предложил ей место своего секретаря, которого забирали на повышение.

Лизавете выделили крохотную комнату в коммуналке. Отстаивая интересы жильцов, тетя бескорыстно воевала с прачечной, которая располагалась в подвале их дома, отчего пол и даже стены в их квартире постоянно были влажными. Лиза вышла победительницей. Прачечная переехала в другое здание, а тетю, по решению домкома, переселили в более просторную и светлую комнату.

Через год, в январе тридцать четвертого, арестовали директора, который, взяв Лизу на работу. Когда у него было хорошее настроение, он, стоя за тетиной спиной, любил напевать: «Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это. И за это, и за то, а за это ни за что». Еще через полгода арестовали нового директора, который сменил предыдущего. Этот новый был не похож на старого, но привычку напевать о том, что он любит Лизавету и за это, и за то, он, казалось, перенял у своего предшественника. Правда, делал он это только, когда бывал в плохом настроении. Через пару месяцев арестовали и его. Когда третий директор, взглянув на тетю Лизу, улыбнулся и произнес: «Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это...», тетю обуял мистический ужас. Она поняла, что засиделась на одном месте. В общей сложности за тридцать четвертый год тетя пересидела пять директоров и сменила четыре комнаты.

ГЛАВА 2. СЕРАФИМА.

К сороковому году, когда из Бобруйска приехала Лизина семнадцатилетняя племянница Симочка, чтобы поступать в

Университет, тетья работала сестрой-хозяйкой в Военно-медицинской академии. Жила она в коммуналке другого дома, в просторной комнате с двумя окнами и видом на Измайловский проспект. Соседи поговаривали, что прежде, там обитала старушка из «бывших», которой до революции принадлежала вся квартира.

Симочка, окончившая школу с золотой медалью, благополучно поступила, как и мечтала, на восточный факультет и переехала в общежитие на улицу Стахановцев. Добираться до Университета было долго и неудобно: на трамвае №16 надо было переехать через больше охтинский мост, затем по Суворовскому добраться до Лиговского проспекта. Там пересесть на 1-ый троллейбус, и «пилить» через весь Невский. Снова перебраться через Неву уже по Дворцовому мосту, чтобы оказаться, наконец, на Университетской набережной, где и располагался восточный факультет. Дорога в один конец занимала около двух часов. Чтобы успеть к первой паре, первокурснице, приходилось вставать в шесть утра. Конечно, от тети Лизиной квартиры на Измайловском проспекте, до Университета даже пешком было минут сорок. Но, чтобы племянница переехала к тете, речь в то время, почему-то, не шла.

Свою первую летнюю сессию Сима сдать не успела. Ей оставался последний экзамен, который был назначен на 29 июня 41 года. 22 июня, началась война. Была объявлена всеобщая мобилизация. Многие студенты и преподаватели

ушли на фронт. Сам Университет был эвакуирован в Саратов. Сима могла уехать со своим восточным факультетом. Но осталась в Ленинграде. Она считала, что ее молодость, ее энергия и знания пригодятся городу, в который она успела влюбиться. В сентябре сорок первого Симочка переехала в комнату на Измайловском проспекте. На этом настояла тетя:

– В тяжелые времена, девочка, надо держаться вместе.

Осенью сорок первого немецкие войска окончательно затянули кольцо вокруг города, началась блокада. Самолеты со свастикой сбрасывали на город не только бомбы, но и листовки, в которых призывали горожан сдаваться. Они обещали: когда войдут в Ленинград, то простых граждан не тронут. Вешать будут только комиссаров (партийных), и Jude (юдэ) – жидов, евреев. В ответ на эти листовки Сима, в октябре сорок первого, вступила в партию. Она не собиралась сдавать фашистам город. Но если, все-таки эти варвары войдут в Ленинград, то им придется вешать Серафиму дважды: и, как жидовку, и как комиссара. Она окончила курсы медсестер, где вместо китайских иероглифов постигала науку сестры милосердия: как правильно сделать клизму лежащему раненому, как поставить капельницу, наложить повязку и сделать укол. Тому, как вселить в тяжелораненого солдата надежду, как написать его жене письмо о том, что муж жив, но без обеих ног, девятнадцатилетняя Симочка училась на практике.

В сентябре сорок первого года бомбежки Ленинграда уча-

стились. Палата, где служила Серафима, находилась на втором этаже. Здесь были тяжело раненные, которые не могли ходить. Во время бомбежки их надо было на кроватях переносить в подвал. Считалось, что там безопаснее. Пока Симочка вместе с другой медсестрой, на год младше ее, успевали спустить по винтовой лестнице половину раненых, обстрел заканчивался. Сестрички поднимали раненых обратно в палату. Обстрел начинался снова. Раненые взмолились о пощаде. Пожилой старшина озвучил за всех: пусть сестрички хоронятся в подвале, они молодые, им еще жить, да жить. А они останутся тут, наверху. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

Серафима предложила свой вариант: во время бомбежки она останется с ранеными и будет им читать.

Пожилой старшина, который верховодил в палате, покачал головой.

– Читать, сестричка, только тоску наводить.

Мама объяснила, что в Университете, она не успела сдать последний экзамен летней сессии – «Русская литература первой половины 19 века»: Жуковский, Карамзин, Пушкин, Лермонтов...

– Боюсь, когда Университет вернется в Ленинград, я все забуду. А так и я буду готовиться к экзамену, и вам во время бомбежки не будет скучно.

– Да, уж, скучно не будет, – оценил шутку Старшина и дал добро на чтение.

Началась бомбежка, Симочка достала томик А.С. Пушкина: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную...»

– Эх, куда тебя занесло, сестренка! – усомнился в своем решении пожилой старшина.

Сима продолжала: «... В эпоху нам достопамятную жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович... Скоро в доме все утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо...».

По радио прозвучал сигнал «Отбой воздушной тревоги». Мама закрыла книгу. Молоденький солдат, которому несколько дней назад ампутировали ногу, не выдержал.

– Сестренка, что с ней дальше будет, с Машей этой?

Мама напомнила об уговоре: читают только во время бомбежки – и пошла ставить капельницы.

На следующий день, когда началась бомбежка, раненые с нетерпением ждали продолжения. Мама вынула из стола книгу: «... Но едва Владимир выехал за околицу в поле, поднялся ветер, и сделалась такая метель, что он ничего не видел... Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца...»

Так моя мама на практике сдавала свой последний экзамен летний сессии сорок первого года: «Русская литература первой половины девятнадцатого века».

Продолжалось это три дня: налетают фашисты, мама читает Пушкина, улетают, занимается своими непосредствен-

ными обязанностями. Владимир успел, доехать до Жадрино, где они с Машей должны были тайно обвенчаться. Но ни возлюбленной, ни тройки его возле церкви не было. Уже и Марья Гавриловна, вернувшись домой, переболела горячкой, а Владимир, уйдя на войну с Наполеоном, погиб. Уже и сама война закончилась, а Бурмистров сделал Марье Гавриловне предложение... Тут возникла пауза, потому что вражеские самолеты в этот день почему-то не прилетали, и пожилой старшина, с тоской поглядывая на небо, сетовал.

– О, фашист проклятуший!.. Когда надо, ни за что не прилетит! Ведь выписывают меня сегодня. Так и не узнаю, что там с Марией Гавриловной в Жадринской церкви произошло!

После войны мама никогда не рассказывала об «ужасах блокады». Они с Инессой, той самой медсестрой, с которой в сорок первом переносили лежачих раненых в подвал, вспоминали только смешное. Рассказывали, как к ним в госпиталь после ускоренных курсов направили молоденькую медсестру. Врач дал ей свечи и сказал, чтобы она поставила их лежачему больному. Сестричка, придя в палату, положила свечи на тумбочку рядом с кроватью и строго спросила у раненого:

– У вас спички есть?

– Зачем тебе? – не понял раненый.

– Чтобы поджечь свечи, – наивно ответила медсестра, окончившая ускоренные курсы.

Другой случай произошел с самой Серафимой. Весной сорок четвертого, когда была снята блокада, и госпиталь реорганизовали в санаторий для выздоравливающих моряков-катерников, Симе дали важное партийное задание – ей поручили разливать вино. От нехватки витаминов и постоянного пребывания возле воды, катерники страдали фурункулезом. Красное вино поднимает гемоглобин, и главврач санатория настоял на том, чтобы в обед морякам давали по сто пятьдесят грамм вина, которое доставили в госпиталь из солнечной Грузии. Это партийное задание Симочка получила после того, как ее предшественница, разливавшая вино три дня, пришла к Никите, госпитальному повару, отвечавшему за выдачу ценного напитка, и, с трудом стоя на ногах, взмолилась, чтобы ее избавили от этой непосильной обязанности. Иначе она сопьется, к чертовой матери!

Никита вручил Симочке высокую мензурку с делениями, и мама принялась отмеривать вино с присущей ей аккуратностью. Когда спиртное, выделенное на этот день, закончилось, оказалось, что двум офицерам его не хватило. Они потребовали от хорошенькой виновницы компенсацию, уверяя, что только поцелуй в губы может заменить им красное вино, столь необходимое для поднятия их гемоглобина. Серафима категорически отказалась повышать гемоглобин обделенным офицерам таким образом. В конце концов вынуждена была согласиться на поцелуй в щечку. После этого она влетела на кухню, где Никита колдовал над ужином, и реши-

тельно поставила мензурку на стол: пусть ищут другую сестру, которая будет разливать это проклятущее вино! Никита принялся к подозрительно раскрасневшейся сестричке, но запаха спиртного не учуял.

– Сколько тебе не хватило? – спросил Никита, узнав, в чем дело.

– Триста грамм! Хотя я очень старалась.

– Не пыли, Серафима, – остановил ее Никита.

Бывалый повар сноровисто взял в руки мензурку.

– Смотри сюда. Когда ты наливала вино, то держала мензурку, наклонив делениями от себя. Вот так, – показал Никита, – Поэтому на каждой порции ты переливала 5-6 грамм. Немного?.. Согласен. Но давай умножим пятьдесят порций на шесть. Что мы имеем?.. Те самые триста грамм, которых тебе не хватило. Теперь, слушай сюда! Завтра сделай вот что...

И Серафима сделала, так, как сказал Никита: она чуть наклонила мензурку делениями к себя. Когда вино было разлито по всем стаканам, у нее осталось триста грамм лишних. Мама честно принесла «остаток» Никите. Он посмотрел на Симу, не понимая, с какой планеты свалилась эта дурочка, но вино взял.

После войны ветераны госпиталя, в котором служила мама – к сорок третьему году она дослужилась до звания старшины первой статьи – каждый год встречались в День Победы. С семи лет, мама брала меня с собой. В семидеся-

том году, в день двадцатипятилетия Победы над фашистской Германией, я заканчивала десятый класс. В этот год совет ветеранов снял для встречи зал в ресторане парка ЦПКО. За длинным столом собралось человек сто. После первых официальных тостов, встал майор лет тридцати пяти. Мама улыбнулась:

– Витенька.

Я сосчитала, сколько лет ему могло быть в блокаду. Получилось, от силы, семь – восемь.

Витенька поднял рюмку.

– Вы все знали мою маму, Антонину Петровну. Она не дожила до этого дня. Зимой я ее похоронил... Но я – о другом. Хочу рассказать вам о клубнике... За первую блокадную зиму я так ослаб, что уже не вставал – все время хотелось спать. Однажды мама принесла мне целую тарелку клубники! Не представляю, где она достала ягоды весной сорок второго. Мама поставила тарелку на стол и сказала: «– Вставай, сынок, поешь». Мне надо было не только встать, но сделать до стала несколько шагов. И я их сделал... Теперь я понимаю: эта клубника спасла меня... Хочу выпить за мою маму и за вас, мои дорогие.

Я посмотрела на свою маму, потому что знала, откуда весной сорок второго года взялась в блокадном городе клубника.

Было так.

В сестринскую, где Серафима раскладывала лекарство,

вбежала Антонина – Витина мама, которая работала в госпитале нянечки

– Не могу! Вот, хоть убей меня, Симочка, не могу я убирать в его палате!

Несколько дней назад командиру катера, который лежал с ранением обеих ног, боевые товарищи привезли из Абхазии чачу и кое-какую закуску, в частности первую клубнику. Чачу, закусив маринованным чесноком и огурчиками, выпили быстро – за победу. А клубника под чачу, как-то не пошла, осталась. Командир поставил тарелку с ягодами в тумбочку и благополучно забыл о ней. Тоня, убирая его палату, чувствовала, что теряет сознание от аромата спелых ягод.

– Посиди здесь, – попросила Сима.

Решительно войдя в палату, где лежал командир катера, она строго объявила:

– В госпитале комиссия! Проверяют санитарное состояние палат. Надеюсь, ни у кого нет скоропортящихся продуктов в тумбочках?.. Если комиссия что-то найдет!..

Мама принюхалась

– Чем это у вас пахнет?

– Клубника!!! – вспомнил командир.

– Ешьте скорее! Комиссия уже в соседней палате!

Командир поспешно достал из тумбочки тарелку с клубникой. Серафима почувствовала, что от аромата спелых ягод она сама вот-вот потеряет сознание. Командир съел несколько клубничин и взмолился.

– Симочка, прошу, забери ты эти ягоды!

Сима взяла тарелку и вышла в коридор. Положила одну ягоду на язык и медленно раздавила ее небом. Сразу вспомнился Бобруйск, где летом на столе каждый день стояла полная миска, присыпанных сахаром ягод... Мама потянулась за второй клубничной. Но тут вспомнила о Тонином сыне, восьмилетнем Вите, который уже несколько дней не вставал с кровати. Люди, пережившие блокаду, хорошо знали, что это значит, когда человек ослабев, терял интерес к жизни и начинал медленно угасать. Сима отдала тарелку Тоне, и та отнесла клубнику сыну.

Мама рассказывала эту историю легко, со смехом – мол, вон как ловко она провела командира. Но я представляю, какое сражение с собой она выдержала, когда не стала есть ягоды, и отдала их Тоне. Мне очень хотелось рассказать об этом красавцу майору. Но мама, поняв мое желание, покачала головой: не надо. Я подняла бокал и выпила за свою маму.

ГЛАВА 3. ЕФИМ КУТНЕР.

Через несколько дней после отправки из Ленинграда, почтальон принес Лизино письмо в дом сестер Сухих. Прочитав его, Фая пригласила к себе в комнату, которая находилась на втором этаже, сестер и их мужей: Феликса – мужа Цили и Борю – мужа Мани, а муж тети Ривы погиб в апреле сорок пятого под Кенигсбергом. Моя бабушка Геня, как я уже говорила, умерла от воспаления легких, когда ее дочери, моей будущей маме, было одиннадцать. После похорон Фая под-

нялась на второй этаж, где жил овдовевший Фима – мой дедушка, чтобы приготовить ему, его дочери Симочке и пятилетнему сыну Додику покушать, и осталась там, как и писала тетя Лиза, заменив детям маму.

Мой дед был польский еврей из Лодзи. Он работал в легкой промышленности – в артели, которая плела веревки. В Бобруйск попал во время советско-польской войны 1919 – 1921 года.

Когда бои между советами и поляками шли на территории Белоруссии, мой дед, двадцатилетний Ефим Кутнер, был ранен. Его положили на телегу и повезли в госпиталь. В это время моя будущая бабушка, восемнадцатилетняя Геня Сухая вышла с ведром на улицу, чтобы купить керосин. О газовых или электрических плитах тогда в Бобруйске слыхом не слыхивали. Готовили в печке, разогревали на примусах. По песчаным улицам Бобруйска ездил телега, с большой цистерной. Возница открывал кран, припаянный снизу, и наливал гражданам керосин. Ефим увидел в руке девушки ведро, решил, что оно с водой, и попросил дать ему напиться. Геня побежала домой, наполнила кружку водой и догнала телегу с ранеными, чтобы напоить бойца. Но юноша был без сознания. Геня пошла рядом с телегой, держа в одной руке ведро для керосина, в другой кружку с водой. Она шла так до самого госпиталя, а потом поднялась в палату и села возле койки, на которую положили Фиму. Когда он пришел в себя, девушка сказала:

– Я принесла тебе воды, – и, приподняв его голову, помогла напиться.

На следующий день Геня снова пришла, чтобы ухаживать за раненым, и на следующий пришла. И так приходила, пока юноша не поправился.

Через несколько месяцев они поженились, и мой дед остался в Бобруйске.

В январе тридцать шестого Ефима Кутнера, вместе с другими артельщиками евреями, арестовали за «участие в еврейской международной организации «БУНД»». Судили их в Минске. Тринадцатилетняя Сима собралась ехать в столицу Белоруссии, что бы повидаться с отцом. Тетушки пришли в ужас: девочка одна в большом городе, где нет ни родных, ни знакомых! Сима твердо стояла на своем: она должна увидеть отца. Ее поддержала Фая: Ефиму будет легче, если он увидит, что его не забыли. Сестры согласились. Так как все они работали, в Минск с племянницей отправили сына Мани, Сеню большого («большой», чтобы не путать с младшим сыном Ревеки – Сеней маленьким). Он был на три года старше двоюродной сестры, учился в десятом классе.

Поезд в Минск приходил поздно вечером. Ночь Сима и Сеня провели, сидя на скамейке в зале ожидания вокзала. Утром, кое-как умывшись в туалете, пошли к зданию Суда. Разбирательство было назначено на одиннадцать утра. Моя мама и Сеня большой шли по улицам темного города (зимой в девять только начинало расцветать), спрашивая у

редких прохожих, дорогу. Когда пришли к величественному зданию с колоннами, внутрь их не пустили. Суд над «бундовцами» был закрытым. Возле здания стояли люди, которые тоже ждали, когда вынесут приговор их мужьям, детям, близким. Одна женщина, у которой недавно осудили на десять лет мужа, а теперь приговор выносили сыну, сказала: если повезет, то удастся увидеть «своих», когда их будут выводить из здания, чтобы посадить в машины. Сима и Сеня большой стали ждать. День был морозный и ветряный. Некуда было спрятаться, и страшно было уйти, чтобы не потерять место. Суд длился четыре часа. И все это время дети стояли, то переминаясь с ноги на ногу, то постукивая ботинком о ботинок. Они заоченели и перестали чувствовать свои ноги, но продолжали стоять – заключенных могли вывести в любую минуту.

Начало смеркаться, когда двери суда распахнулись. От здания к подъехавшей машине, выстроились две шеренги солдат с ружьями. Вдоль этой шеренги погнали заключенных. Сима увидела отца, и не сразу узнала его. За месяц ареста он превратился в старика. Фима шел сгорбившись, низко опустив голову.

– Папа! – крикнула Серафима.

Отец не услышал. Тогда Сеня большой поднял маму, и она снова крикнула:

– Папа!

Ефим остановился.

– Сима?.. Доченька.

Он что-то сказал. Сима не расслышала, что именно, но ей показалось, она поняла. Солдат, стоящий в шеренге, подтолкнул отца прикладом, и Фима побежал, чтобы не отстать от того, кого гнали впереди него. Перед тем, как забраться в машину, он обернулся, чтобы еще раз увидеть дочь.

Серафима не расслышала, что именно сказал ей отец перед тем, как его посадили в машину. Но ей показалось:

– Ты принесла мне воды, – как когда-то сказал это своей будущей жене Гене.

В своем письме из лагеря, которое пришло в Бобруйск через месяц после суда, (почта в СССР работала хорошо), Фима писал: в Минске, после ареста и ночных допросов в тюрьме, он сильно устал и пал духом. Но когда увидел свою горячо любимую дочь и своего племянника Сеню большого, которые приехали, чтобы повидаться с ним, ему снова стало для чего жить: он отсидит срок и вернется к своим детям – Симочке и Додику.

В июне сорок первого, заработав в лагере туберкулез, дед вернулся в Бобруйск. Через четыре дня началась война. Ефим, которому было сорок два года, хотел записаться добровольцем. Но из-за туберкулеза его не взяли. 28 июня, на седьмой день войны, фашисты вошли в Минск. Мой дед, еврей, вынужден был бежать из Бобруйска вместе с сыном, двенадцатилетним Додиком. Ефим Кутнер умер от дизентерии, совсем немного не доехав до Ташкента. Перед смертью

он сильно ослаб и плохо видел. Он просил Фаю, чтобы она, в который раз, прочитала ему письмо, пришедшее из Ленинграда. Начальник госпиталя, в котором служила Серафима, благодарил Ефима Семеновича Кутнера за то, что он воспитал такую замечательную дочь.

– «Я не мастер говорить высокие слова, – писал генерал, – Но Вы можете гордиться своей дочерью Серафимой. Вы воспитали хорошего человека и настоящего гражданина».

С этим письмом в руках деда и похоронили. Через три дня умер Додик. В нашем семейном альбоме храниться его единственная фотография. Четырехлетний бутуз в коротком пальто, бриджах и лакированных ботиночках, в белой меховой шапочке стоит, ласково обнимая деревянную лошадку на колесиках. Малыш доверчиво смотрит в объектив, и получается, что смотрит прямо на меня. Я тоже смотрю на него и не могу представить, что этот черноглазый мальчик – мой родной дядя. Мог бы стать моим дядей.

ГЛАВА 4. АНАТОЛИЙ.

Вернемся к письму, которое весной сорок девятого года пришло в Бобруйск из Ленинграда. Прочитав его, первым слово взял дядя Феликс – муж Цили и старший мужчина в семье. Он начал издали:

– Авраам, как всем известно, родил Исаака. Не секрет, что Исаак родил Иакова. Иаков родил...

Неизвестно куда завели бы Феликса библейские предки, если бы его не перебила нетерпеливая Маня. Она сказала:

– Я тебя умоляю, Феликс, уже девятый час, а у меня замочено белье!

Наверное, дядя Феликс обиделся, потому что предложил:

– Хорошо, Маня, если ты обо всем знаешь лучше меня, говори ты.

Маня была краткой: Симе нужен диплом, а этот русский майор нам не нужен.

Ей возразила Циля:

– Может, тебе, Маня, майор и не нужен. В самом деле, зачем тебе майор, когда у тебя есть Боря?..

– При чем здесь Боря?! – не поняла Маня.

– Ты говоришь: “Боря, чай!”. И Боря приносит тебе чай. Ты говоришь: “Боря, кофту!”. И Боря приносит тебе кофту...

– И что с того, что: ” Боря, чай”?! – возмутилась Маня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.